

... une d'elle, haute de douze mètres, défonça les tôles d'acier à l'avant du cargo colombien Tiburon, *une voie d'eau s'ouvrit, le Tiburon lança un SOS...* (R. Merle).

Это может быть конструкция типа, в которой второй результатив является одновременно каузативом для третьего результатива: *Si j'avais su qu'il existât une seule chance de te sauver, nous en aurions parlé ensemble, nous aurions tenté l'impossible et peut-être aurions-nous gagné?* (A. Philipe).

Многокомплексные конструкции, представляющие собой сложное поликаузальное целое, показывают, что явления объективной действительности связаны многоступенчатыми причинно-результативными отношениями, что одно событие детерминирует другое, которое, в свою очередь, становится причиной следующего события, и т. д. Конструкции такого типа могут быть подвергнуты трансформации, позволяющей вычленив отдельные входящие в них каузативно-результативные комплексы: *Après l'avoir contemplé un long moment j'étais si bouleversé que je ne pouvais discerner en elle des détails...* (P. Boule). → *Après l'avoir contemplé un long moment j'étais si bouleversé... J'étais si bouleversé que je ne pouvais discerner en elle des détails.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ср.: **Синякова Г. А.** Предложные словосочетания с причинно-следственным характером отношения между компонентами в современном французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.
2. **Гавришина К. С.** Сложные мнимоусловные предложения в современном французском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.
3. Ср.: **Ермакова С. Н.** Причинно-следственные отношения в сложном предложении и в сложном синтаксическом целом в немецком языке XVI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

В. И. ТОМАШПОЛЬСКИЙ

Свердловский пединститут

ОТРИЦАТЕЛЬНО-ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: В ПОИСКАХ ОБЩЕРОМАНСКИХ ПРОТОТИПОВ

Объясняется происхождение структурных типов отрицательно-побудительных предложений на основе метода сравнительно-исторических реконструкций. Высказывается предположение об общероманских прототипах, ареальных вариантах и поздних инновациях.

Для выражения запрещения, обращенного ко 2 л. ед. ч., в романских языках употребляются побудительные предложения с инфинитивом. Они документированы в четырех роман-

ских областях. В Галлии инфинитивный прохибитив засвидетельствован в старофранцузских текстах с конца XI в., распространен в поэзии XII в. и реже встречается в прозе XIII в.: *Sire cumpainz, nel dire ja* (Roland, 1113); *Deus, perge, n'en laisser hunir France* (2337); *Carles, ne t'esmaer* (Pèlerinage, 674); *Ne la baillier tu onques* (Couronnement, 79); *Ne t'en esmaier mie* (Prise, 1351 C). Он употреблялся здесь наряду с императивом и был вытеснен им к новому времени [1]. В окситанском инфинитивная конструкция встречается в целом реже, чем во французском. Большая часть примеров отмечается в прозаических переводах: *non demorar, non escoltar, no menjar* (Glossaire occitanien, 16b, 63b, 72a). Отдельные предложения можно найти в поэзии: *Ne m'aucire* (Choix des poésies, I, 334); *Non cobeitar gran sensa* (IV, 456); *Non creire cosselh guereiador* (Girart de Rousillon, 8331). Эта конструкция соперничает здесь с побудительным конъюнктивом [2]. В Ретии запретительный оборот с инфинитивом территориально ограничен. Он употребляется только в нижнеэнгадинском диалекте: *Na ns reschponder 'ne pous répons pas'*; *Va our dals peis, at di eu, e nu m'agitar* (Molière, II, 3) *'...et ne m'échauffe pas les oreilles'* [3]. Зато в Италии эта конструкция с древнейших времен стала основным средством повсеместно в центре и на юге: *Bella, non dispregiaremi* (Cielo d'Alcamo); *Non ti crucciare* (Inferno, 3, 94); *Non impedir le suo fatal andare* (5, 22); современные тосканские *non andare, bere, uscire*. На севере она документирована в старомиланском (Barsegapè, 493 *no temer*, 680 *no t'en despartire*), в современных лигурском, венецианском, эмилианском, романьольском диалектах. В Пьемонте и Ломбардии, как во французском, инфинитивное запрещение уступило место императиву с отрицанием [4]. На Балканах эта структура вытеснила другие конструкции и стала регулярным средством выражения: *nu cînta, nu cadea, nu citi, nu кынта, nu кэдя, nu чити* [5]. Более того, в старых текстах документировано распространение инфинитива на 2 л. мн. ч. в полной форме с вторичным прибавлением окончания: *nu fireti* (Psaltirea Scheiana, ps. 31, 9), *nu va^v temereti* (Codicele Voroneteian, 154, 11—12), *nu lâsareti* (Codicele Todorescu, 209, 49 v.) [6]. Только в Иберии и Сардинии инфинитивные прохибитивы не засвидетельствованы. Для выражения запрещения в этих ареалах в качестве основного средства употребляется конъюнктив: в старопортугальском *non des*, в староиспанском *no digas*, в сардинском *non mandighes* [7].

Иногда к рассмотренным выше примерам причисляют инфинитивные формулы типа современного французского *ne pas dé ranger, se taire sur les rangs, s'adresser au concierge, traduire le texte*, современного испанского *no correr, dirigirse al secretario*, современного португальского *cessar fogo, avançar* [8]. Анализ показывает, что эти формулы представляют собой внешне

похожее, но по сути другое явление. Так, если старофранцузские конструкции употребляются только в отрицательном значении и всегда обращены к определенному 2 л. ед. ч., что часто подчеркивается субъектным *tu* или объектными *te*, *toi* в местоименной форме, то современные французские обороты могут быть как позитивными, так и негативными. Они носят неопределенно-личный характер, употребление субъектного *tu* исключено, а в местоименной форме ставится *se* [9].

Если вопрос территориального и хронологического распространения императивного прохибитива решается достаточно однозначно, то происхождение этого оборота вызывает противоречивые суждения. Некоторые исследователи предполагают, что эта конструкция восходит к латинскому имперфекту конъюнктива *ne cantares* [10]. Эта гипотеза не подтверждается материалом. Во-первых, романские конструкции указывают на первоначальное *pop, а не *pe*; во-вторых, исходное окончание *-ges* дало бы сигматические рефлексy в Галлии, Ретии, на севере и юге Италии, формы на **-gi* — в центральной Италии и на Балканах; в-третьих, обороты документированы в тех областях, где рефлексy имперфекта конъюнктива не оставили следов (Галлия, Ретия, Италия, Балканы), и не засвидетельствованы в ареалах их сохранения (Иберия, Сардиния).

Другие романисты связывают инфинитивную формулу с перфектом конъюнктива *ne canta(ve)ris*. О таком происхождении наряду с обсуждаемой ниже возможностью говорят Г. Рольфс, Н. Фасон, П. Текавич; его же берет за основу Г. Лаусберг [11]. Это предположение тоже не выдерживает сопоставления с фактами. Вдобавок к двум первым возражениям, высказанным по отношению к предыдущей гипотезе (прохибитив восходит к латинскому имперфекту конъюнктива), отметим, что рефлексy перфекта конъюнктива должны были бы сохранить основу перфекта, по меньшей мере, у отдельных глаголов и что территориальное распространение прохибитива не совпадает с распространением рефлексов перфекта конъюнктива [12]. Наконец, некоторые авторы предполагают, что в латинском языке бытовала инфинитивная конструкция, которая легла в основу соответствующих романских употреблений [13].

Несовпадение во мнениях объясняется тем, что ученые исходят из латинского материала и именно в нем стараются отыскать романские прототипы, тогда как для однозначного решения проблемы нужно в первую очередь обратиться к изучению романских фактов в сочетании с приемом реконструкции. Сопоставление романских свидетельств показывает, что инфинитивный прохибитив 2 л. ед. ч. восходит к прароманскому обороту *pop kantáre. Подтверждение этой реконструкции можно отыскать в латинских текстах, где рядом с традиционными средствами выражения запрещения вопреки классическим канонам с IV в. н. э. изредка появляются отдельные употребления роман-

ского инфинитивного прохибитива: *Si videris lassiozem esse, non tangere* (*Mulomedicina Chironis*, 129) [14].

Когда, где и как образовался этот оборот? Какое место он занимал в протороманской системе? Латинские факты показывают, что конструкция вошла в употребление, по меньшей мере, в IV в. Романские рефлексy не противоречат этому представлению; более того, исходя из их распределения в пространстве и во времени можно предположить, что инфинитивное запрещение возникло в центре и на юге Италии, распространилось оттуда на север Италии, в Галлию, Ретию и на Балканы, но не было принято Иберией и Сардинией; позднее, натолкнувшись на сопротивление других, старых и новых, способов выражения, оно отступило из Галлии, Ретии и северной Италии. Время и место появления инновации заставляют думать, что она проникла в романскую речь под греческим влиянием [15]; на это же указывает распространение инфинитивного запрещения в *Mulomedicina Chironis* [16]. Другие предположения менее вероятны, так как они не опираются на фактические данные [17]. Изучение романских и латинских рефлексов показывает, что инфинитивный прохибитив *non kantáre не получал общероманского признания. С момента возникновения он употреблялся как экспрессивный, просторечный, территориально ограниченный вариант, соперничая с общероманским *non kántes и другими новообразованиями типа *non kánta, *non kantásses и т.п., предыстория которых до настоящего времени неясна [18]. Сравнительное изучение всей совокупности средств выражения запрещения от зарождения романской речи до появления текстов на новых языках с акцентом на реконструкции протосостояний остается одной из актуальных задач романской исторической грамматики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этих и других средствах выражения запрещения в старофранцузском см.: **Diez F.** *Grammatik der romanischen Sprachen*. Bonn, 1882. S. 917—918; **Engländer D.** *Der Imperativ im Altfranzösischen*. Breslau, 1889; **Nyrop K.** *Grammaire historique de la langue française*. Vol. 6. Copenhagen, 1930. § 268.6; **Бурсье Э.** *Основы романского языкознания*. М., 1952. § 320; **Foulet L.** *Petite syntaxe de l'ancien français*. P., 1972. § 313; **Moignet G.** *Grammaire de l'ancien français*. P., 1973. P. 136, 200, 217, 290; **Ménard Ph.** *Syntaxe de l'ancien français*. Bordeaux, 1973. § 161b.
2. О средствах выражения запрещения в окситанском см.: **Diez F.** *Loc. cit.*; **Schultz-Gora O.** *Altprovenzalisches Elementarbuch*. Heidelberg, 1906. § 185. При обсуждении инфинитивного запрещения староокситанские формы упоминаются далеко не всегда.
3. См.: **Бурсье Э.** *Указ. соч.* § 533; **Бородина М. А.** *Современный литературный ретороманский язык Швейцарии*. Л., 1969. С. 158. Фриульские конструкции рассматриваются у **Gregor D. B.** *Friulian*. N. Y.; Cambridge, 1975. P. 122.
4. Об итальянских средствах выражения запрещения см.: **Diez F.** *Op. cit.* S. 917; **Rohlf G.** *Historische Grammatik der italienischen Sprache*. Bd. 2. Bern, 1952. § 611; **Бурсье Э.** *Указ. соч.* § 447; **Façon N.** *Grammatica storica*

della lingua italiana. Bucuresti, 1964. P. 150; Tekavčić P. Grammatica storica dell'italiano. Bologna, 1972. § 1025—1030.

5. Об отрицательном императиве на Балканах см.: Diez F. Loc. cit.; Бурсье Э. Указ. соч. § 505; Lombard A. Le verbe roumain. Lund, 1954—1955. P. 249; Densusianu O. Istoria limbii române. Vol. 2. Bucuresti. 1961. § 78; Posetti Al. Istoria limbii române. Bucuresti, 1964—1966. Vol. 1. P. 134; Vol. 6. P. 293—294; Мелник В. Ф. Элементе де морфоложие дналекталэ. Кишинэу, 1977. П. 136.

6. См. эти и другие примеры у Rosetti Al. Op. cit. Vol. 6. P. 293.

7. О португальских, испанских, сардинских конструкциях, выражающих запрещение: Diez F. Loc. cit.; Zauner A. Romanische Sprachwissenschaft. Bd. 2. Berlin, 1921. § 50; Huber J. Alportugiesisches Elementarbuch. Heidelberg, 1933. § 386.

8. Ссылаясь на такие формулы, К. Нюроп считает, что старофранцузское инфинитивное запрещение утратилось не полностью (Nyrop K. Loc. cit.).

9. Против отождествления старых и новых французских оборотов выступают Л. Фуле (Foulet L. Op. cit.) и Ж. Муанье (Moignet G. Op. cit. P. 200). Тем не менее утверждение Л. Фуле о том, что эти обороты «не имеют ничего общего», — явное преувеличение.

10. Идея о происхождении инфинитивной конструкции из имперфекта конъюнктива была высказана Ж. Модем, поддержана Г. Мейером (Meier H. o gênese do infinito flexionado português // Boletim de Filologia. 1950. Vol. 11. P. 115—132), обсуждается у Maurer T. Gramática do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1959. P. 128.

11. См.: Rohlf G. Loc. cit.; Façon N. Loc. cit.; Tekavčić P. Op. cit. § 1028; Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. Bd. 3. Berlin, 1962. § 806.

12. Рефлексы перфекта конъюнктива документированы в Ибернии, Гаскони, Италии и на Балканах. В двух первых ареалах они сохранились до настоящего времени, но там инфинитивный прохитив 2 л. ед. ч. вообще неизвестен. В двух последних ареалах они выходят из употребления в новое время, но именно здесь инфинитивное запрещение получает наибольшее распространение, причем первое явление ведет себя как отступающий архаизм, а второе — как распространяющаяся инновация.

13. См.: Diez F. Loc. cit.; Meyer-Lübke W. Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft. Heidelberg, 1920. § 225; Бурсье Э. Указ. соч. § 128. Tiktin H. Rumänisches Elementarbuch. Heidelberg. 1905. § 235; Densusianu O. Loc. cit.; Rosetti Al. Op. cit. Vol. 1. P. 134; Lombard A. Loc. cit.

14. См.: Бурсье Э. Указ. соч. Другие авторы (Rohlf G. Loc. cit.; Väänänen V. Loc. cit.) приводят более ранние примеры, но во всех случаях речь идет о побудительном инфинитиве без отрицания: Tu socios adhibere sacris (Valerius Flaccus, 3, 412); Utī, utere felix (CIL, XIII, 10017, 32 et al.).

15. На сходное употребление инфинитивного запрещения в греческом и немецком впервые указал Diez F. Op. cit. S. 918. Однако его замечание справедливо только в отношении греческого, а немецкие обороты соответствуют неопределенно-личным конструкциям.

16. «Ветеринария Хирона» представляет собой сборник отрывков из греческих трактатов разного времени в латинском переводе, составленный во второй половине IV в. См.: Rohlf G. Sermo vulgaris latinus. Tübingen, 1956. S. 19.

17. Предположение о том, что инфинитивная конструкция возникла в результате эллисиса (Nyrop K. Op. cit. § 268. 5), отвергает Ф. Менар (Ménard Ph. Loc. cit.). Некоторые ученые без какого-либо обоснования утверждают, что она образовалась по модели poli cantare (Rohlf G. Loc. cit.; Сергиевский М. В. Введение в романское языкознание. М., 1954. § 79; Tekavčić P. Loc. cit.). Отметим, что формообразовательный суффикс греческого происхождения * -īdi- получил одним или двумя веками позднее то же территориальное распространение. Об этом суффиксе см.: Zamboni A. Un problema di morfologia romanza // Quaderni patavini di linguistica. 1980—1981. Vol. 2. P. 171—187.

18. Об этих конструкциях в общероманской перспективе см., например: Diez F. Op. cit. S. 916—918; Lausberg H. Loc. cit.

Структурные и функциональные особенности предложения и текста. Свердловск, 1989

И. К. БАТАЛОВА

Нижнетагильский пединститут

КОММУНИКАТИВНАЯ, СЕМАНТИКО- ГРАММАТИЧЕСКАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СВЯЗНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Рассматриваются сверхфразовые единства в связном художественном тексте, устанавливается иерархия тема-рематических компонентов, дается интерпретация подтекстовой информации, ориентирующей на понимание смысла.

Длительное время главным объектом исследования в синтаксисе было предложение, которое квалифицировалось как основная и высшая синтаксическая единица. Сейчас вполне оправданно внимание лингвистов направлено на изучение высказываний, получивших название сверхфразовых единств или сложных синтаксических целых (ССЦ). Нашей задачей в данной статье является анализ ССЦ присоединительного типа с точки зрения информативности его компонентов, актуального членения предложения (АЧП), семантико-грамматической и стилистической организации.

В пределах предложения вопрос актуального членения решается частично, поскольку в нем можно провести лишь первичную границу между компонентами АЧП, учитывая грамматическую структуру и семантическую информацию сопологаемых сегментов. Ретроспективный анализ связных отрезков текста позволяет установить иерархию тема-рематических соотношений с учетом предыдущих и последующих компонентов ССЦ.

В этом плане кажутся убедительными доводы относительно интенции писателя соположить, например, две видовые формы английского языка при описании одного и того же явления для выделения рематического центра сообщения. С. И. Жакина пытается доказать, что в условиях синонимической корреляции глагол-сказуемое имеет форму длительного вида, если входит в состав смыслового центра высказывания [1]. Форма общего вида свидетельствует об ослаблении информативной значимости сказуемого, что способствует перемещению внимания на другие компоненты высказывания, выраженные другими членами предложения [2]: *Britt and I were lying on our backs in the OP one bright morning. We lay there helpless (J. Brown)*. В приведен-